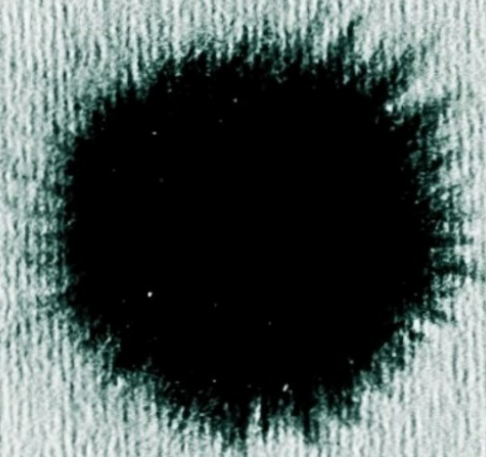


Сергей Сказкин



Лёнька и последний час

18+

Сергей Сказкин

Лёнька и последний час

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Сказкин С.

Лёнька и последний час / С. Сказкин — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Эта история – притча, страшное приключение. Однажды за Лёнькой пришла Смерть... Что произойдёт после этой мистической встречи?

Посвящается любителям чтения и любителям хороших историй
Лёнька и последний час

Как-то вечером за Лёнькой пришла Смерть. Верующим Лёнька не был. Суеверным, боязливым был. Быть может. К обедне ходил раз в году, почему-то, на Рождество, будто католик, а не на Пасху, как православный христианин. А когда Смерть пришла, понял, почувствовал.

Шел он из столярного тёмною предмартовской порой. Настроение было – не очень. В цеху полаялся с мастером за невыполненную норму. Точнее норму-то он выполнил, но полкуба свежеприготовленного плитуса сплавил втихаря через забор, где его на «Газели» принял ласково двоюродный. Февраль уже подтаивал и комья свежеснежавшего снега облепляли ботинки как взбитые сливки.

"Чего смурной такой?" – ухмыльнулся краснорозе двоюродный и посверкал золотым зубом. Пятерню протянул.

«Вот человек!» – подумал Лёнька, «Всё бы ухмыляться». А вслух протянул только: "Даа и..!"

Два косаря, две «тыщи», которые с плитуса наварил, немного подняли настроение. Столяр зашаркал к ларьку. Бархатного пива взял, янтарного, как раз по такой погоде. Зубами содрал крышку и, отхлёбывая, пощипывающий нёбо напиток, поплелся домой. Мокрые снежинки ему в лицо летели.

Снегу навалило и на дорогу и на протоптанные тропинки, ну вот, этот дворик, потом пустырь – и он дома. Нинка дома небось опять заладит... Что она вчера-то говорила? Про колготки, кажется.

Перед пустырём Лёнька немного постоял. В детстве тут играли в салки, войнушку, прятки и где на пустыре прятаться? А вот, находили ж! Всего лет 10-15 прошло, а кажется, давным-давно было. Посмотрел на нетронутую целину пустыря, как – будто поролон новый лежит или суфле его любимое, даже жаль ногами нарушать. И ещё ароматного пива отхлебнул. На душе светлело.

Городок засыпал. Тишина, поздний вечер, ни души кругом. Лёнька оглянулся. При свете чахлах фонарей и луны все обретало немного сказочный колорит. Тишина. Перина снега кругом и только дорожка его одиноких следов позади. Только...странно, его следы... Лёнька встряхнул головой и еще раз повнимательней присмотрелся.

Точно! Дорожек из следов было две. Одна точно его – такие борозды-вмятины с ленивым пришаркиванием: неровные следы от налипающих на сапоги комьев снега, как небольшой кенгуру пробежал. А рядом – маленькие аккуратные следочки: ровно овальные, словно не левой, не правой ногой сделаны, ступочками какими-то. Следочки обрывались в трех шагах от него.

Лёнька вспомнил читанный ещё в школе рассказ чешского писателя про обрывающиеся следы на снегу. Там эти паны всё гадали, улетел тот мужик или нет. Лёнька присел и хмыкнул. В глазах у него никогда не двоилось, это только в анекдотах такое бывает. Да и будет что с бутылки-то пива, ну, с двух... Тьфу, да и ладно, домой. Там тепло, суп на плите картофельный. Или даже борщ? При мысли о горячем борще, столяр заторопился домой. Борщ! Борщ, да – это серьёзно. Если так, то.. может и правда любит его Нинка, подруга – невестушка.. Прошел полпустыря, оглянулся еще разок на следы. Вскрикнул, сердце стукнуло и забило в грудной клетке.

Рядом с его двумя бороздами через пустырь шли аккуратные следочки и обрывались в трех шагах от Лёнькиных сапог! Страх его охватил и медленно, робко Леонид ногу из снега вытащил и дальше переставил от следочков глаз не отрывая. И только ногу он на новое место поставил – тут же новый овал на снегу напечатался. Животный ужас всё существо Лёнино охватил, развернулся он и что было сил через пустырь побежал, как в детстве с Ромкой наперегонки, через несколько секунд уже у подъезда своего оказался.

Дух перевел, в карман залез, стал ключи искать, фонари, как на беду, не горели только луна вовсю светила, и звезды чуть помаргивали. Оглянулся он налево слегка и взглядом как на темень наткнулся. Посмотрел, кто в трех шагах от него стоит, – через левое плечо глянул: существо какое-то в белом балахоне из звериных шкурок с короткой шерстью, и капюшон на глаза накинута а под ним – темнота. Роста существо небольшого: Лёнька щуплый сам, а это, кто сзади, вообще, еле до пояса ему достает. И все вокруг него и воздух и темнота, как позванивают, словно слои этой темноты друг об друга бряцают с тихим гулом. Видно существо еле-еле, точно полупрозрачное оно, и только когда налево глаза скосишь. И посох в виде буквы J в руке оно держит. Столяр застыл тогда. Есть мгновенья, моменты истины, когда понимаешь, что время остановилось, потому что с тобой что-то случается именно в это самое мгновение. Как когда чашка из фарфора на пол падает и изворачиваешься, пытаешься поймать и понимаешь, что не успеваешь в этой вязкой неотвратимости.

Вот такое почувствовал Леонид.

"Кто ты? Смерть моя?" – спросил, глядя в клубящуюся тьму под капюшоном.

Чуть качнуло существо посохом, и только пласты темноты низко и глухо друг об друга зазвенели.

Темень посерела и перестал Леонид существо видеть.

Тихо зашел столяр в подъезд. На пятый этаж поднялся. А поворачиваясь заметил, как позади себя на ступеньках овалики еле заметные отпечатывались. Чуть отстали: пошли в пяти шагах.

—

Аппетита не было, хотя весь день он не ел. Нинка его встретила хорошо, за стол усадила. И всё ему показывалась, то так повернется, то эдак. И спрашивает взглядом: как? Наверное, одежду новую купила. В выходные на рынке присмотрела. "Хорошее... платье, Нин." Посмотрела так укоризненно. "Да какое же платье?! При тебе же в субботу мерил! Сарафанчик!!" А Лёнька сидит и в сторону смотрит, на пол. И ночью всё заснуть не мог, вспоминал видение своё, звуки темноты звенящие.

Стал Леонид теперь по-другому всё видеть. Вроде бы серый цвет – это цвет тени и может он, кажется, только объём создавать. Только теперь он сам краской сделался и всюду проник. Во все цвета, в глаза, кожу, небо, даже солнечные лучи собой подкрасил и серо-белесыми они сделались.

На работу отправился. Утро не рассветало как будто. Шел Лёнька, холодную снежную шугу месил и ступни его в этой бурой жиже отпечатывались. А утро всё не рассветало, вот уже и одиннадцатый и двенадцатый час пошел. Поработал. Пришел домой. Прошел день. И ещё один. Дни как-то шли и шли, одинаковые, как черно-белые фотографии скопированные друг с друга. Лёнька стал замечать, что и звуки и запахи жизни тоже будто выцвели и борщ Нинкин какой-то безвкусный стал. Она ему и пеняла и пестовала, мол чего ты солишь и солишь, а Лёнька всё равно, и перцем, и солью с уксусом, а всё впустую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.